

ПЕРЕЖИВАНИЕ ЛИЧНОСТЬЮ ОПЫТА ДОМАШНЕГО (ПАРТНЕРСКОГО) НАСИЛИЯ

С.Н. КОСТРОМИНА

Санкт-Петербургский государственный университет
(ФГБОУ ВО СПбГУ),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9508-2587>,
e-mail: s.kostromina@spbu.ru

А.В. ГОНЧАРЕНКО

Санкт-Петербургский государственный университет
(ФГБОУ ВО СПбГУ),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3066-4379>,
e-mail: psy.arkadiy@gmail.com

Актуальность. Домашнее насилие становится все более актуальной проблемой в наше время. Несмотря на снятие табуированности, эта проблема по-прежнему остается недостаточно изученной, особенно в контексте феноменологии. В рамках исследования рассмотрены различные подходы к проблеме абьюзивных отношений, виды насилия, а также такие теоретические конструкты, как переживание (Ф.Е. Василюк) и отношения (В.Н. Мясищев). **Цель исследования.** В данной статье представлены материалы исследования, цель которого описать особенности переживания личностью опыта домашнего насилия. В исследовании приняли участие 108 человек, среди которых было 79 женщины и 29 мужчин (средний возраст респондентов — 30 лет). **Методы.** Результаты основывались на авторском онлайн-опроснике и опроснике «Измерение малоадаптивных форм вины», а также на глубинном феноменологическом интервью с женщинами, пережившими домашнее насилие. Данные были обработаны с помощью частотного, сравнительного и контент-анализа. **Результаты.** Выявлено, что переживание опыта домашнего насилия у респондентов представлено на трех уровнях отношений (когнитивном, эмоциональном и поведенческом); отмечены такие последствия домашнего насилия, как потеря себя и усиление экзистенциальной вины. **Вы-**

ВОДЫ исследования указывают на возможности применения феноменологии в психотерапии с жертвами домашнего насилия.

Ключевые слова: абьюз, домашнее партнерское насилие, переживание, понижающая психология, экзистенциальная вина, потерянные Я.

Для цитаты: *Костромина С.Н., Гончаренко А.В. Переживание личностью опыта домашнего (партнерского) насилия // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Том 31. № 3. С. 114—131. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310306>*

PERSONAL EXPERIENCING OF DOMESTIC (PARTNERSHIP) VIOLENCE

SVETLANA N. KOSTROMINA

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9508-2587>,

e-mail: s.kostromina@spbu.ru

ARKADIY V. GONCHARENKO

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3066-4379>,

e-mail: psy.arkadiy@gmail.com

Relevance. Domestic violence is becoming an increasingly relevant problem in our time. Despite the removal of taboo, this problem still remains understudied, especially in the context of phenomenology. The study considers different approaches to the problem of abusive relationships, types of violence, as well as constructs such as experience (F.E. Vasilyuk) and relationships (V.N. Myasishchev). **Purpose of the study.** This article presents the materials of the study, which aims to describe the peculiarities of a personality's experience of domestic violence. The study involved 108 people, among whom there were 79 women and 29 men (the average age of respondents was 30 years). **Methods.** Results were based on an online questionnaire and the Measurement of Maladaptive Guilt Questionnaire, as well as an in-depth phenomenological interview with female survivors of domestic violence. Data were processed using frequency, comparative (U-Mann-Whitney test) and correlation analysis, and factor analysis (principal component method). **Results.** It was found that the reliving of this experience in the respondents is presented on 3 levels of attitudes, and consequences such as loss of self and increased existential guilt were noted. **Conclusions.** The findings of the study indicate the potential for the application of phenomenology in psychotherapy with survivors of domestic violence.

Keywords: abuse, domestic partner violence, experiencing, understanding psychology, existential guilt, lost selves.

For citation: Kostromina S.N., Goncharenko A.V. Personal Experiencing of Domestic (Partnership) Violence. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2023. Vol. 31, no. 03, pp. 114—131. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310306> (In Russ.).

Введение

В современном обществе все большее внимание уделяется проблеме домашнего насилия, которая ранее была табуирована. На сегодняшний день отмечается значительное изменение отношения общества к этой проблеме. В частности, были созданы специальные службы, которые занимаются предотвращением насилия в семье, а также кризисные центры и убежища для женщин, которые стали доступными круглосуточно. Кроме того, функционируют телефоны доверия и проводятся информационные кампании в средствах массовой информации. На сегодняшний день также существует множество социальных проектов, которые направлены на оказание помощи жертвам домашнего насилия, а также внедрен закон, направленный на борьбу с этим явлением. Повышенный интерес к этой проблеме связан с социально-политическими причинами, такими как изменения в современном обществе и переоценка ценностей. Вместо табуирования в настоящее время заметна информационная доступность, которая характерна для постиндустриального общества [4; 10].

Психологические причины проблемы в значительной степени связаны с ростом напряженности и стрессогенности жизни современного человека. Жизнь становится все более сложной и неустойчивой, особенно на фоне пандемии COVID-19, что может приводить к обострению проблемы насилия в семье [1; 14]. Несмотря на то, что общество все больше говорит о равноправных отношениях в паре и уделяет внимание личным границам, ситуация с насилием все еще остается острой. Информация последних лет свидетельствует об обострении проблемы насилия в ситуации, когда человек практически изолирован от мира и не имеет возможности обратиться за помощью.

Общественные организации и специалисты обращают внимание на эту проблему и стараются решить ее на уровне государства, например, продвигая закон о домашнем насилии. Однако, чтобы более эффективно бороться с насилием, необходимо рассматривать его системно и учитывать дисбаланс власти, который существует в отношениях между мужчинами и женщинами.

В российской культуре проблема домашнего насилия не вызывает такого негодования, как в европейских странах. Наши образы отношений часто включают страдание одного из партнеров, что отражается в классической литературе и кино. Некоторые люди также не привыкли обсуждать внутрисемейные конфликты за пределами семьи. В результате те, кто сталкивается с насилием в семье, могут продолжать оставаться в таких отношениях, надеясь на улучшение, терпя и страдая, не обращаясь за помощью. Но важно помнить, что насилие никогда не является нормой и что есть ресурсы и специалисты, которые могут помочь выйти из таких отношений.

Национальная ассоциация социальных работников определяет домашнее насилие как форму насилия, которая может быть эмоциональной, физической или сексуальной и применяется сознательно или неосознанно в отношении членов семьи или других домочадцев [7]. Это явление повторяется раз за разом, причем с каждым новым случаем насилия увеличивается степень его тяжести. Насилие не всегда должно быть физическим, чтобы причинить вред человеку; оно может быть и эмоциональным, сексуальным или экономическим, главным же признаком любой формы насилия является желание контролировать и внушать чувство страха человеку. В большинстве случаев жертва переживает несколько видов насилия, иногда даже все одновременно, и из таких отношений тяжело выйти [5; 11].

В данном исследовании особый интерес представляет изучение переживаний, связанных с опытом домашнего насилия и того, как эти переживания воспринимаются россиянами. Опыт домашнего насилия рассматривается как контекст, а переживание этого опыта — как механизм трансформации и интеграции личности. Согласно Ф.Е. Василюку, функция переживания заключается в обслуживании кризисных состояний, когда другие виды деятельности не способны восстановить психоэмоциональное равновесие через трансформацию внешнего мира [2]. Переживание как особый вид деятельности отражает характер отношений, в которых находится человек. В.Н. Мясищев считает, что подлинные отношения индивида к объективной реальности представляют собой его потенциальные характеристики, пока не воплотятся в активности, осуществляемой в субъективно важных для индивида обстоятельствах [9]. Данная концепция личности и отношений открывает новые перспективы для исследования домашнего насилия. Она позволяет сконцентрироваться на феноменологии переживания насилия на трех уровнях отношений — когнитивном, эмоциональном и поведенческом. Основная цель исследования заключается в выявлении того, как опыт домашнего насилия влияет на восприятие себя и других, вызывает ли он потерю личной идентичности (потерю Я), проявляется ли манипу-

лятивное поведение, а также способствует ли опыт домашнего насилия увеличению экзистенциальной вины.

Методы

Исследование состояло из двух этапов. На первом этапе исследования был проведен онлайн-опрос, в рамках которого было исследовано когнитивное и эмоциональное восприятие концепта «негативные отношения» в современном обществе, а также его взаимосвязь с домашним насилием, экзистенциальной виной и потерянными возможными Я. Для проведения опроса был использован авторский опросник, состоящий из 10 закрытых и 10 открытых вопросов. Респондентам предлагалось поделиться своими представлениями об отношениях в целом и дать развернутое описание своего самого негативного опыта отношений. Также на первом этапе была использована методика «Диагностика малоадаптивных форм вины» Е.В. Белинской. Полученные данные были обработаны методом контент-анализа путем выделения семантических единиц и присвоения им категорий, таких как «Экзистенциальная вина», «Возможное Я», «Эмоции и чувства» и т. д. Эти семантические категории были переведены в количественные данные и обработаны методом частотного анализа. После выявления средней оценки по измеряемым показателям, прослеживалась их взаимозависимость и корреляция друг с другом, также данные полученные в онлайн-опросе сравнивались с данными интервью.

На втором этапе исследования были изучены особенности переживания опыта домашнего насилия на основе глубинного феноменологического интервью. Этот метод позволяет изучать особенности переживания опыта домашнего насилия без внесения субъективных ожиданий и гипотез исследователя в повествование респондентов [13]. Интервью включало 10 открытых вопросов, а респондентам предлагалось рассказать о своем опыте домашнего насилия в целом или выбрать конкретную ситуацию. Основные методы обработки данных, использованные в исследовании, включают нарративный анализ (К. Мюррей) и метод продуцирования смысла (С. Квале) [8]. При обработке данных применялись различные процедуры, включая категоризацию значений и их кодирование, выделение звучащих тем в текстах, конденсацию смыслов и измерение частоты упоминания интересующих нас категорий. Для сравнения отдельных высказываний и целых текстов между собой использовался метод сравнительного анализа.

Основную выборку составили 100 человек, которые приняли участие в онлайн-опросе. Это были женщины и мужчины в возрасте от 20 до 60 лет (средний возраст — 30 лет). Среди всех респондентов 56% имели

опыт домашнего насилия в романтических отношениях, у 40% респондентов отношения продолжались 2—4 года, у 32% — около года, а у 28% респондентов — 5 лет и более. В глубинном интервью приняли участие 8 женщин в возрасте от 18 до 42 лет, которые имели опыт домашнего насилия в прошлом. При этом 5 из этих женщин получали психологическую помощь в связи с пережитым опытом насилия. Важно отметить, что факт пережитого опыта домашнего насилия фиксировался только со слов респондентов. Этот этап исследования позволил получить глубокое понимание переживаний женщин, которые имели опыт домашнего насилия, через их личные истории.

Результаты

Феноменологический анализ пережитого опыта деструктивных партнерских отношений

Изучение описания феноменологии пережитого опыта насилия позволяет выделить важные характеристики, которые связаны с мыслями и чувствами по поводу отношений, ассоциированных с насилием. С целью упрощения анализа и упорядочивания описаний были выделены следующие категории: отношения, чувства, негативный опыт, партнер, последствия, мысли о расставании, действия. Ниже приводятся некоторые примеры описаний этих категорий.

Категория «Чувства» в исследовании представляет собой переживания, связанные с опытом отношений, в которых было насилие. Из всех респондентов 30% отметили грусть, опустошение, разочарование и тоску по поводу упущенных возможностей. Еще 22% испытывали чувства ненависти к себе, обиды на себя, сожаления о своем выборе оставаться в отношениях. В целом, значительная часть респондентов описывала либо чувства, которые связаны с экзистенциальной виной, либо чувства, которые связаны с потерянными возможными Я. Потерянные возможные Я — это прошлые представления человека о том, каким он мог бы стать в будущем, это те мечты, опасения, надежды, которые по тем или иным причинам оказались несбывшимися, утраченными, нереализованными [3]. Эта сфера Я особенно значима в контексте утраченных возможностей в прошлых отношениях. Эта тенденция прослеживается и в других шкалах исследования.

В категории «Негативный опыт» были выделены слова и фразы, связанные с фактом насилия, созависимости и другими отрицательными аспектами отношений. 28% респондентов упоминают физическое или психологическое насилие со стороны партнера в самом негативном опыте отношений. 22% описывают этот опыт как созависимость и полное

слияние с партнером. Еще 20% связывают этот опыт с манипулированием, что также является проявлением психологического насилия. 16% респондентов отмечают предательство, обман или измену партнера как негативный опыт отношений. У 14% респондентов в описании самого негативного опыта отношений встречаются отсылки к потерянным возможным Я. Большинство респондентов столкнулись с психологическим насилием со стороны партнера. Негативный опыт отношений вызывает сожаления о потерянных возможностях и связанных с ними альтернативных возможных Я.

В категории «Последствия» были выявлены семантические единицы, связанные с тем, как отношения повлияли на жизнь людей после их окончания. 28% респондентов отмечают, что после негативного опыта отношений они потеряли доверие к потенциальным партнерам и имеют негативные ожидания от будущих отношений. 20% респондентов считают этот опыт травмирующим и сообщают, что начали ходить к психологу для получения помощи. Примерно 10% говорят о том, что после этих отношений они стали винить себя и испытывать ненависть к себе. В целом, значительная часть респондентов переживают этот опыт в общем недоверии к противоположному полу. Такое разнообразие травмирующих последствий деструктивных отношений подтверждает гипотезу об уникальности переживания этого опыта.

Таким образом, полученные данные подтверждают высокую актуальность проблемы переживания деструктивных отношений, которые могут оставлять значительный эмоциональный след у людей, независимо от времени, прошедшего с момента расставания. Более 25% респондентов отметили, что отношения, связанные с насилием, были для них однозначно эмоционально значимым и травмирующим эпизодом в их жизни. Одно из основных наблюдений, которые можно сделать из результатов опроса, заключается в том, что эти отношения продолжают «жить» в настоящем и могут иметь травмирующее воздействие на психическое состояние человека. Кроме того, прослеживается взаимосвязь между переживанием деструктивных отношений и экзистенциальной виной, а также потерянных возможных Я. Это указывает на то, что пережитый негативный опыт отношений может оказывать значительное влияние на личность и ее способность конструировать свое будущее.

Анализ различий между респондентами с опытом партнерского насилия и без него

Далее участники исследования были разделены на две группы: с опытом и без опыта насилия. Критерием деления был факт пережитого насилия в отношениях, который фиксировался со слов респондентов. В первую группу вошло 52%, во вторую — 48% респондентов.

Проведенный частотный анализ, основанный на критерии Хи-квадрат, выявил значимые различия между группами респондентов по четырем шкалам: «Воспоминания», «Негативный опыт», «Последствия» и «Мысли о расставании». Эти различия подтверждают, что опыт домашнего насилия оказывает влияние на общее восприятие отношений и понимание того, что означает находиться в отношениях. После деструктивных отношений травмирующий опыт сказывается на последующих отношениях, приводя к негативным ожиданиям от партнера, потере доверия ($p = 0,000$), появлению постоянного чувства «виновности» ($p = 0,012$) и сожалений об упущенных возможностях ($p = 0,007$). Негативный опыт, пережитый респондентами в ходе домашнего насилия, характеризуется такими факторами, как манипуляции, поступки партнера, потеря себя, самообвинение и чувство вины.

Из результатов исследования следует, что большинство участников испытывали негативные последствия от опыта деструктивных отношений, которые проявляются в их мыслях, эмоциях и поведении. Более того, значительная часть респондентов сталкиваются с проблемами в близких отношениях после такого опыта, включая потерю доверия к потенциальным партнерам, негативные ожидания, чувство вины и сожаления о неиспользованных возможностях.

Сравнение двух групп респондентов по методике «Измерение малоадаптивных форм вины» показало, что респонденты, пережившие домашнее насилие, испытывают большее чувство вины по сравнению с теми, кто не пережил такой опыт (табл. 1). Особенно высокий уровень выраженности у них наблюдается по шкале «Вина ненависти к себе», что означает, что они очень сильно себя ненавидят и считают себя неполноценными. Это связано с чувством межличностной вины, т. е. с чувством вины за нарушение связи с близкими людьми. Эту концепцию подтверждает теория Джозефа Вайсса о дезадаптивных формах вины [15].

Таблица 1
Распределение значимости средних значений по шкале
«Вина ненависти к себе»

Шкала	Группа	Коэффициент U-Манна—Уитни	Уровень значимости(p)
Вина ненависти к себе	С опытом насилия (3)	152	0,001***
	Без опыта насилия (2)		
	Повлиял положительно (1)	11,375	0,023 *
	Появились сожаления и самообвинение (3)		

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «***» — $p < 0,001$.

Из табл.1 следует, что у респондентов, которые имели опыт насилия в предыдущих отношениях, более высокий уровень вины, и они гораздо чаще испытывают чувство ненависти к самим себе ($p < 0,001$). Экзистенциальная вина, согласно М. Хайдеггеру, представляет собой ответственность человека перед самим собой. Вина является важным аспектом жизни человека, поскольку в процессе своего существования он никогда не может реализовать все свои возможности. Каждый выбор, который он принимает, подразумевает отказ от других возможностей [6]. В этом смысле человек, который был подвержен домашнему насилию и решил остаться в таких отношениях, отказал себе в возможности избежать повторения этого травматического опыта. В результате этого выбора у него может возникнуть чувство вины, которая будет направлена в первую очередь на себя за то, что он позволил себе оказаться в этой ситуации.

Опыт деструктивных отношений может иметь как усиливающее, так и ослабляющее воздействие на вину, которую человек испытывает перед самим собой. Респондентам, которые не отмечали положительных последствий такого опыта, более свойственно испытывать вину ($p < 0,05$). В их ответах чаще встречаются сожаления о потерянных возможностях и утраченной доверии к противоположному полу, а также более часто возникают идеи о причинах проблем в отношениях, связанных с их личными характеристиками. Однако понимание пользы негативных отношений, умение извлекать уроки и двигаться дальше способны снизить уровень самокритики и обвинения себя в случившемся. Это наблюдение может быть важно при оказании психологической помощи жертвам домашнего насилия. Обнаружение положительных аспектов в этом опыте может помочь укреплению самооценки и улучшению самопринятия человека, пережившего похожий опыт.

Таким образом, можно предположить, что переживания, описанные респондентами, такие как чувства сожаления об упущенных возможностях, ошибках, выборах, тоска, опустошенность, самообвинение и ненависть к себе, могут быть результатом опыта домашнего насилия и связаны с экзистенциальной виной и потерянными возможными Я.

Контент-анализ феноменологического интервью с женщинами, пережившими домашнее насилие

В процессе феноменологического интервью, женщины, пережившие домашнее насилие, были более подробно опрошены о своих мыслях, чувствах и поведении в ситуациях насилия, а также о своей личности и личности своего партнера. Определенные характеристики, связанные с чувством вины и потерей себя в отношениях, были выделены путем контент-анализа и индуктивного кодирования и объединены в 9 категорий, включая

«Мысли», «Чувства», «Действия», «Проявления насилия», «Последствия опыта», «Вина», «Потерянные Я», «Образ себя» и «Образ партнера».

Первое, что можно заметить, это схожесть категорий, выявленных в онлайн-опросе и интервью, где рассказывались реальные истории насилия. Как и в онлайн-опросе, так и в интервью большое внимание уделяется описанию эмоций и мыслей, характеристикам партнера, последствиям пережитого опыта. Далее приводятся некоторые примеры категорий.

Категория «Последствия насилия» (табл. 2) содержит смысловые единицы, которые были упомянуты респондентами 118 раз (в среднем — 14,7). В онлайн-опросе участники, описывая последствия насилия, уделяли внимание как негативным, так и положительным аспектам, таким как осознание смысла жизни, личностный рост и лучшее понимание других людей. В свою очередь, в личных историях женщин преобладали травматические последствия, которые влияют на их жизнь как в прошлом, так и в настоящем, не позволяя им вернуться к нормальной жизни и строить здоровые отношения.

Таблица 2

Пример индуктивного кодирования категории «Последствия насилия»

Название кода	Конденсация смысла	Закодированный фрагмент интервью
Последствия насилия	Описание того, как опыт домашнего насилия повлиял на жизнь испытуемых	...когда мы вместе жили с ним у меня была деградация личности, началась и вот до сих пор. Сейчас я прохожу терапию. У меня ПТСР, панические атаки, у меня развилась паранойя. Мне очень тяжело иногда бывает. У меня бывают flashback иногда. Часто не могу заснуть, плохо сплю; если засыпаю, то у меня очень странные сны, часто даже снится, что я вернулась к нему, я не знаю, каким образом. И опять взперти, не могу выбраться, и всегда страшно.

Категория «Вина» (табл. 3) в нарративах респондентов встречается 111 раз (среднее значение — 14). В описаниях личных историй прослеживается тенденция к самообвинению. Женщины говорят, что они обвиняют себя, ненавидят себя за то, что не смогли защитить себя от насилия. Нарративы подтверждают гипотезу об усилении чувства вины у тех, кто пережил домашнее насилие. Однако речь идет не о простом чувстве вины, а об экзистенциальной вине на более глубоком уровне.

Таблица 3

Пример индуктивного кодирования категории «Вина»

Название кода	Конденсация смысла	Закодированный фрагмент интервью
Вина	Описание, связанное с экзистенциальной виной	Я себя чувствовала слабой, плохой, потому что я позволила так к себе относиться. Мне было стыдно, я ощущала перед собой вину и я до сих пор ощущаю перед собой вину. Мне кажется, что сама себя не защитила и я виновата в том, что я не ушла сразу. Мне каждый раз все объясняют, что это не я виновата и что вообще-то у человека есть ответственность за его действия. Но как-то внутренне я даже ненависть к себе испытываю за то, что я себя не уберегла и за то, что я позволила себе в это войти и выйти с такими серьезными потерями

Семантические единицы, связанные с категорией «Потерянные Я» (табл. 4), встречаются в нарративах респондентов 78 раз (среднее значение — 10). Женщины описывали, как опыт домашнего насилия повлиял на их личность и как они потеряли себя в ситуации насилия. Они также рассказывали о том, какие решения могли бы принять в прошлом, чтобы избежать этой ситуации, и как это могло бы повлиять на их жизнь сегодня. Некоторые нарративы также содержали прямые описания того, как опыт домашнего насилия привел к потере себя в качестве личности и невозможности описать свой образ Я.

Таблица 4

Пример индуктивного кодирования категории «Потерянные Я»

Название кода	Конденсация смысла	Закодированный фрагмент интервью
Потерянные Я	Описание связанное с потерянными возможными Я	Сейчас я вообще не знаю кто я, абсолютно. У меня нет образа Я. Меня мотает из стороны в сторону, и я не могу собрать свой образ, я не могу сказать, что я такая или такая. Я во всех случаях разная, со всеми людьми абсолютно разная, сама с собой я абсолютно разная и все из крайности в крайность. Я бы сказала, что моя личность разделилась личностей на 5, наверное, и сейчас я их собираю потихонечку. Так или иначе я уже не тот человек, которым была до него и никогда такой опять не стану

Личные истории, которые были собраны в полуструктурированном интервью, часто фокусируются на насилии, потерянных возможностях личности и самообвинении. Такое содержание пересекается с ответами в онлайн-опросе, подтверждая валидность результатов и устойчивость характеристик пережитого опыта домашнего насилия. Интересно также, что описание партнера встречается чаще, чем описание себя. Этот аспект расширяет понимание того, как человек переживает насилие, путем того, что он не осознает своего места в ситуации насилия, ему сложно оценить свою роль в этом опыте. Можно заметить, что респонденты как бы выходят за рамки этой ситуации, отделяют себя от нее. Это может быть связано с механизмом психологической защиты — вытеснением [12].

Частота упоминания категории когнитивной составляющей в нарративах значительно превышает частоту упоминаний эмоциональной или поведенческой составляющих. Это означает, что респонденты склонны рационализировать свой опыт домашнего насилия, используя когнитивные механизмы для защиты своей психики от тяжелых переживаний.

Данные контент-анализа показывают, что различные аспекты переживаний домашнего насилия у женщин тесно связаны между собой. Для проверки этой гипотезы был проведен анализ связи между разными семантическими единицами, которые используются женщинами при рассказе о своем опыте насилия в личных историях. Графическое представление (рис. 1) этой связи было построено при помощи программы MAXQUDA, которая автоматически рассчитала количество упоминаний кодов в транскрипциях интервью и связи между ними. Толщина линий на графике указывает на силу связи между семантическими единицами.

На рис. 1 можно увидеть, что основными темами в личных историях женщин являются мысли и чувства, связанные с их партнером, насилием, последствиями насилия, виной и потерей своей личности. При описании своего опыта женщины сосредотачиваются на том, как они сейчас объясняют себе происходящее, и часто испытывают чувство вины. Действия, которые они предпринимали в отношениях, также связаны с чувством вины, поскольку они не приводят к изменению партнера или ситуации. Женщины также часто молчат о своей личности и своих переживаниях, возможно потому, что им трудно описать это или это вызывает у них боль. В целом, этот рисунок подтверждает гипотезы о том, что чувство вины и потеря своей личности являются ключевыми последствиями и проявлениями опыта домашнего насилия.

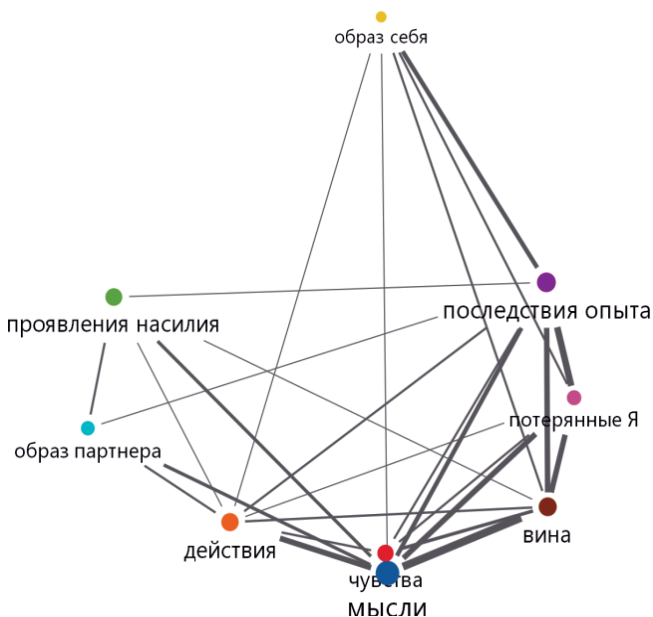

Рис. 1. Распределение частоты закодированных единиц

Обсуждение

Исследование описаний домашнего насилия подтверждает актуальность и значимость негативного опыта отношений независимо от того, когда он имел место. Более четверти респондентов отмечают, что отношения, связанные с насилием, имели сильное эмоциональное влияние и оказали значительное воздействие на их жизнь. Респонденты, описывая свой прожитый опыт, выделяют особенности, связанные с мыслями и чувствами о насилии, такие как отношения, эмоции, негативный опыт, партнер, последствия, польза, разрыв отношений и действия. Большинство опрошенных людей, переживших этот опыт, испытывают негативные ожидания по отношению к потенциальным партнерам, чувство вины и постоянные сожаления об упущенных альтернативных возможностях, а также теряют доверие в близких отношениях. Это подтверждает теоретическую гипотезу о том, что опыт домашнего насилия может быть описан на трех уровнях отношений: когнитивном, эмоциональном и поведенческом. Кроме того, это подтверждает эмпирическую гипотезу о влиянии опыта домашнего насилия на восприятие других людей и самого себя, связываясь с потерей собственной идентичности (потерей Я).

Результаты анализа содержания полуструктурированного интервью показывают схожую структуру лексических элементов с онлайн-опросом. Респонденты также описывают свой опыт через такие категории, как «Мысли», «Чувства», «Действия», «Проявления насилия», «Последствия опыта», «Потерянные Я», «Образ себя» и «Образ партнера». Также стоит отметить, что семантические единицы, выделенные в онлайн-опросе и в интервью, описывающем реальные случаи насилия, имеют сходства. Подобие содержания между онлайн-опросом и личными историями подтверждает достоверность результатов интервью.

Сравнительный анализ групп респондентов с опытом насилия и без него показал следующие различия. Респонденты с опытом домашнего насилия придают высокую значимость и актуальность этому опыту, который продолжает существовать в настоящем. Они чаще ассоциируют насилие в романтических отношениях с отрицательными поступками партнера, манипуляцией и потерей своей личности. У них также выше уровень вины и ненависти к себе. Респонденты с опытом насилия чаще выражают сожаление о потерянных возможностях, теряют доверие к противоположному полу и обращаются к психологам.

Таким образом, данные, полученные из онлайн-опроса и полуструктурированного интервью, подтверждают гипотезы. Описание феноменологии переживания опыта домашнего (партнерского) насилия возможно на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях. Когда человек переживает такой опыт, он начинает связывать его с потерей своей личности (потерей Я). При попытке объяснить себе пережитый опыт и вписать его в свой жизненный путь у человека возрастает чувство экзистенциальной вины.

Выводы

Данные онлайн-опроса и анализ полуструктурированных интервью показали, что при описании своих переживаний в связи с домашним насилием респонденты обращают особое внимание на когнитивную составляющую, то есть на свои мысли и образ партнера, а также на свою вину и сожаления по поводу потерянных возможностей. Другими словами, люди, которые переживают домашнее насилие, в большинстве случаев будут испытывать чувства экзистенциальной вины и переживать о потерянных возможных Я.

Изучение опыта домашнего насилия показало, что переживание подобного опыта (феноменология) находят выражение на трех уровнях: когнитивном, эмоциональном и поведенческом. На когнитивном уровне респонденты старались придать своим ошибкам смысл, не обращая

внимания на поведение партнера, и рационализировали свой опыт, используя механизмы психологической защиты. На эмоциональном уровне жертвы испытывали чувство вины и ненависти к себе. На поведенческом уровне они выражали сожаление о потерянных возможностях, теряли доверие к противоположному полу и искали причины проблем в отношении в себе, обращаясь к психологу и т. д. Переживая опыт домашнего насилия, женщины чувствуют себя потерянными и ассоциируют свою личность с потерей своего Я. Попытки объяснить пережитый опыт и вписать его в свою жизненную ситуацию усиливают у них чувство экзистенциальной вины.

Данные, полученные в результате исследования, могут дополнить психологическую теорию переживаний в контексте домашнего насилия и расширить возможности ее практического применения. Эти выводы могут быть использованы при оказании психотерапевтической помощи людям, столкнувшимся с насилием в партнерских отношениях. Дополнительной перспективой исследования домашнего насилия является более детальное изучение аспектов и содержания потерянных возможных и невозможных Я с помощью методики Карен Хукер. Кроме того, интерес представляет расширение исследования в сторону иных проявлений насилия, например, внутри семьи происхождения — насилие со стороны старших сиблингов, а также насилие, пережитое в школе со стороны сверстников и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анфиногентова М.Д.* Абыюз и абыюзивные отношения // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. № 1. С. 118—120.
2. *Архангельская В.В., Карягина Т.Д., Шермазанян Л.Г., Шерягина Е.В.* Теория сознания и переживания Ф.Е. Василюка: векторы развития // Материалы II международной конференции, посвященной памяти Федора Ефимовича Василюка «Консультативная психология: вызовы практики» (г. Москва, 5—7 ноября 2020). Москва: МГППУ, 2020. С. 21—25. DOI: 10.24411/9999-055A-2020-00004
3. *Волченкова Е.А., Молчанова О.Н.* Потерянные возможные Я: содержание и связь с психологическим благополучием // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Том 9. № 3. С. 295—310. DOI: 10.21638/spbu16.2019.306
4. *Игнатова Е.С., Разводова Е.Д.* Абыюзинг и газлайтинг в межличностных отношениях между мужчиной и женщиной // Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Будущее клинической психологии» (г. Пермь, 26-27 апреля 2018 года). Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2018. С. 3—11.
5. *Исаева А.С., Скупейко А.А.* Психологические особенности жертв абыюза: теоретический анализ // Материалы международной студенческой научно-

- практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Л.В. Занкова «Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований» (г. Тверь, 22—23 апреля 2021 года). Тверь: Тверской государственный университет, 2021. С. 327—331.
6. *Кемжаева Я.С.* Переживание чувства вины: экзистенциальный взгляд // Материалы XVII всероссийской научной конференции «Реальность. Человек. Культура: мыслитель в современном мире» (г. Омск, 16 ноября 2018 года). Омск: ОмГПУ, 2018. С. 59—62.
  7. *Норвуд Р.* Женщины, которые любят слишком сильно: пер. с англ. М.: Добрая книга, 2019. 352 с.
  8. *Носс И.Н.* Качественные и количественные методы исследований в психологии: учебник. М.: Юрайт, 2017. 362 с.
  9. *Позняков В.П.* О вкладе В.Н. Мякишева в разработку теории и методологии исследования психологических отношений человека // Методология современной психологии. 2018. № 8. С. 307—317.
  10. *Приликин Р.А.* Абьюз как социально-психологическое явление // Сборник материалов 47-й научной конференции обучающихся СамГУПС «Дни студенческой науки» (г. Самара, 14—30 апреля 2020 года). Самара: Самарский государственный университет путей сообщения, 2020. С. 118—120.
  11. *Размахова О., Край А.* Домашнее насилие. Так будет не всегда. М.: АСТ, 2020. 240 с.
  12. *Синюк Д.Э., Павлюковец О.А.* Механизмы психологической защиты, используемые женщинами, перенесшими домашнее насилие // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2017. № 17. С. 354—360.
  13. *Улановский А.М.* Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл, 2012. 255 с.
  14. *Чекменева А.С.* Абьюз в межличностных отношениях как феномен современности // Сборник научных статей по итогам Национальной научно-практической конференции «Парадигмальный характер фундаментальных и прикладных научных исследований, их генезис» (г. Санкт-Петербург, 29—30 марта 2019 года). Санкт-Петербург: Редакционно-издательский центр Культ-информ-пресс, 2019. С. 99—100.
  15. *Чеснокова М.Г.* Категория экзистенциальной вины в философско-психологической и художественной литературе // Вопросы психологии. 2018. № 6. С. 3—15.

REFERENCES

1. Anfingentova M.D. Ab'yuziab'yuzivnyeotnosheniya [Abuse and Abusive Relationships]. *Nauka XXI veka: aktual'nye napravleniya razvitiya*, 2020, № 1, pp. 118—120.
2. Arkhangel'skaya V.V., Karyagina T.D., Shermazanyan L.G., Sheryagina E.V. Teoriyasoznaniyaiperezhivaniya F.E. Vasilyuka: vektory razvitiya [Vasilyuk's Theory of Consciousness and Experience]. *Materialy II mezhdunarodnoi konferentsiya, posvyashchennaya pamyati Fedora Efimovicha Vasilyuka «Konsul'tativnaya psikhologiya: vyzovy praktiki»* (g. Moskva, 5-7 noyabrya 2020). Moscow: MGPPU, 2020, pp. 21—25. DOI: 10.24411/9999-055A-2020-00004

3. Volchenkova E.A., Molchanova O.N. Poteryannye vozmozhnye Ya: sodержanie i svyaz' s psikhologicheskim blagopoluchiem [Lost Possible Selves: Content and Connection with Psychological Well-Being]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*. 2019. T. 9, № 3, pp. 295—310. DOI: 10.21638/spbu16.2019.306
4. Ignatova E.S., Razvodova E.D. Ab'yuzing i gazlaiting v mezhlichnostnyh otnosheniyakh mezhdru muzhchynoi i zhenshchynoi [Gaslighting and Abusing in Interpersonal Relationships between Men and Women]. *Materialy XII Vserossiiskoinauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Budushchee klinicheskoi psikhologii»* (g. Perm', 26—27 aprelya 2018 goda). Perm': Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2018, pp. 3—11.
5. Isaeva A.S., Skupeiko A.A. Psikhologicheskie osobennosti zhertv ab'yuzu: teoreticheskii analiz [Psychological Characteristics of Abuse Victims: Theoretical Analysis]. *Materialy mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 120-letiyu so dnya rozhdeniya L.V. Zankova «Psikhologiya, obrazovanie: aktual'nye i prioritetnye napravleniya issledovaniy»* (g. Tver', 22-23 aprelya 2021 goda). Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 2021, pp. 327—331.
6. KemizhaevaYa.S. Perezhivaniechuvstva viny: ekzistentsial'nyivzglyad [Experience of Guilt: An Existential Perspective]. *Materialy XVII vserossiiskoinauchnoikonferentsii «Real'nost'. Chelovek. Kul'tura: myslitel' v sovremennom mire»* (g. Omsk, 16 noyabrya 2018 goda). Omsk: OmGPU, 2018, pp. 59—62.
7. Norvud R. Zhenshchiny, kotorye lyubyat slishkom sil'no [Women Who Love Too Much]: per. s angl. Moscow: Dobrayakniga, 2019, 352 p.
8. Noss I.N. Kachestvennye i kolichestvennye metody issledovaniy v psikhologii [Qualitative and Quantitative Research Methods in Psychology]: Uchebnik. Moscow: Yurait, 2017, 362 p.
9. Poznyakov V.P. O vklade V.N. Myasishcheva v razrabotku teorii i metodologii issledovaniya psikhologicheskikh otnoshenii cheloveka [On the Contribution of Myasishchev to the Development of Theory and Methodology of Studying Psychological Relationships of Humans]. *Metodologiya sovremennoi psikhologii*. 2018. № 8, pp. 307—317.
10. Prilipkin R.A. Ab'yuz kak sotsial'no-psikhologicheskoe yavlenie [Abuse as a Social-Psychological Phenomenon]. *Sbornik materialov 47-inauchnoi konferentsii obuchayushchikhysya SamGUPS «Dni studencheskoi nauki»* (g. Samara, 14—30 aprelya 2020 goda). Samara: Samarskii gosudarstvennyi universitet putei soobshcheniya, 2020, pp. 118—120.
11. Razmakhova O., Krai A. Domashnee nasilie. Tak budet ne vsegda [Domestic Violence. It Won't Always Be Like This]. Moscow: AST, 2020, 240 p.
12. Sinyuk D.E., Pavlyukovets O.A. Mekhanizmy psikhologicheskoi zashchity, ispol'zuemye zhenshchinami, perenesshimi domashnee nasilie [Psychological Defense Mechanisms Used by Women Who Have Experienced Domestic Violence]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo institute vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologopedagogicheskie nauki*. 2017. № 17, pp. 354—360.
13. Ulanovskii A.M. Fenomenologicheskaya psikhologiya: kachestvennye issledovaniya i rabota s perezhivaniem [Phenomenological Psychology: Qualitative Research and Working with Experience]. Moscow: Smysl, 2012, 255 p.

14. Chekmeneva, A.S. Ab'yuz v mezhlichnostnykh otnosheniyakh kak fenomen sovremennosti [Abuse in Interpersonal Relationships as a Modern Phenomenon]. Sbornik nauchnykh statei po itogam Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Paradigmal'nyi kharakter fundamental'nykh i prikladnykh nauchnykh issledovaniy, ikh genezis» (g. Sankt-Peterburg, 29-30 marta 2019 goda). Sankt-Peterburg: Redaktsionno-izdatel'skiitsentrKul't-inform-press, 2019. pp. 99—100.
15. Chesnokova, M.G. Kategoriya ekzistsentsial'noi viny v filosofsko-psikhologicheskoi i khudozhestvennoi literature [The Category of Existential Guilt in Philosophical-Psychological and Artistic Literature]. *Voprosy psikhologii*, 2018. № 6, pp. 3—15.

Информация об авторах

Костромина Светлана Николаевна, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9508-2587>, e-mail: s.kostromina@spbu.ru

Гончаренко Аркадий Владимирович, аспирант психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3066-4379>, e-mail: psy.arkadiy@gmail.com

Information about the authors

Svetlana N. Kostromina, Dr. Sci. in Psychology, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9508-2587>, e-mail: s.kostromina@spbu.ru

Arkady V. Goncharenko, Postgraduate Student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3066-4379>, e-mail: psy.arkadiy@gmail.com

Получена 08.02.2023

Received 08.02.2023

Принята в печать 16.06.2023

Accepted 16.06.2023